

Л. А. Гайнутдинова, Р. И. Гайнутдинов*

ИДЕИ Ш. МОНТЕСКЬЕ «О ДУХЕ НАРОДА» И «ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ**

Современная актуализация интереса к консервативной идеологии обусловлена сменой парадигмы развития мирового сообщества и поиском ответов на множество глобальных и региональных вызовов. Необходимы новые подходы к совершенствованию системы управления усложняющимся обществом на основе выработки каждой страной собственной уникальной модели государственного устройства. В статье рассматриваются вопросы влияния идей Ш.-Л. Монтескье о «духе народа» и «образа правления» на формирование концепта российского консерватизма и первого русского консерватора Н. М. Карамзина, идеи которого положили начало национально-консервативному течению традиции осмысления места России в мире, ее политическому устройству и политической самоидентификации. Почти через два века, в начале XXI столетия, после периода радикальных либеральных реформ 90-х гг. в российском обществе возникает новый запрос на осмысление своего нового места в мире, «умеренного образа правления» на основе традиционных ценностей, пропитанных «духом народа». К идеям Ш.-Л. Монтескье и Н. М. Карамзина начинают обращаться не только исследователи, но и политики, что проявляется в постепенном усилении консервативного тренда, наиболее четко обозначенном Президентом РФ В. В. Путиным на Валдайском форуме в октябре 2021 г.

---

* Гайнутдинова Людмила Александровна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии факультета истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; lgaynutdinova@list.ru

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики факультета философии, богословия и религиоведения, Русская христианская гуманитарная академия; rig11@bk.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

Ключевые слова: Ш.-Л. Монтескье, Н. М. Карамзин, В. В. Путин, «дух народа», «образ правления», консерватизм, просвещенный консерватизм, консерватизм внешней политики, «умеренный» консерватизм, антиреволюционизм.

L. A. Gaynutdinova, R. I. Gaynutdinov
CH. MONTESQUIEU'S IDEAS "ABOUT THE SPIRIT OF THE PEOPLE"
AND "THE WAY OF GOVERNMENT" AND THEIR INFLUENCE
ON MODERN RUSSIAN CONSERVATISM

The modernization of interest in conservative ideology is due to a change in the development paradigm of the world community and the search for answers to many global and regional challenges. New approaches are needed to improve the management system of an increasingly complex society based on the development by each country of its own unique model of state structure. The article examines the influence of the ideas of С.-Л. Montesquieu about the «spirit of the people» and «way of government» on the formation of the concept of Russian conservatism and the first Russian conservative N. M. Karamzin, whose ideas laid the foundation for the national-conservative current of the tradition of understanding the place of Russia in the world, its political structure and political self-identification. Almost two centuries later at the beginning of the XXI century after the period of radical liberal reforms of the 90s. in Russian society, a new demand arises for comprehending its new place in the world, a «moderate way of government» on the basis of traditional values imbued with the «spirit of the people.» To the ideas of S.-L. Montesquieu and N. M. Karamzin are beginning to contact not only researchers, but also politicians, which is manifested in a gradual strengthening of the conservative trend, most clearly outlined by the President of the Russian Federation V. V. Putin at the Valdai Forum in October 2021.

Keywords: C.-L. Montesquieu, N. M. Karamzin, V. V. Putin, «spirit of the people», «way of government», conservatism, enlightened conservatism, conservatism of foreign policy, «moderate» conservatism, anti-revolutionism.

**«ДУХ НАРОДА» И «УМЕРЕННЫЙ ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ»
Ш. Л. МОНТЕСКЬЕ**

Крупнейший представитель французских просветителей XVIII в. Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред, граф де Монтескье (1689–1755) оценивается современниками через призму его политико-философского учения, в основе которого лежит теория Дж. Локка о разделении властей [7; 8], однако концепция Монтескье отличалась большей историчностью [20, с. 137]. На основе сравнительного метода изучения истории Монтескье убеждается в изменчивости социальных институтов и утверждает, что история может учить многому: люди во все времена имели одни и те же страсти, и в силу этого общественные институты всегда функционируют по определенным законам [44].

Восторгаясь государственной системой английского образца, Монтескье совсем не желал установления подобной системы во Франции и поэтому выступал против буквальной рецепции чужеродных элементов общественного устройства [26], не будучи сторонником бездумного копирования внутренних порядков другого государства, ибо, по его мнению, государственные устои должны соответствовать духу народа, его менталитету, нравам и традициям. Особо он выделяет роль «общего духа» государственной власти или «образа

правления», который является своеобразным фундаментом политической системы. «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» [29, с. 163].

По мнению Монтескье, «необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов. Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату — холодному, жаркому или умеренному, — качествам почвы, ее положению, размеру, образу жизни ее народов — земледельцев, охотников или пастухов, — степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются» [29, с. 265].

Просветитель обращает внимание на основополагающую роль морали, нравов и обычаев, которые не зависят от положительного законодательства, а коренятся в истории и культуре народа. «Нравы и обычаи суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их» [30, с. 266]. «...Законы издаются, а нравы внушаются; последние более зависят от общего духа, а первые — от отдельных учреждений...» [29, с. 264]. Именно поэтому Монтескье считает невозможным в государственном устройстве изменять нравы и обычаи посредством законов — «лучше изменять их посредством внедрения иных нравов и иных обычаев» [29, с. 265].

В противоположность общему убеждению своего века, предполагавшему возможным установить одинаковое идеальное право для всех стран, Монтескье требует, чтобы в каждом государстве законы соответствовали сути и принципам установившейся формы правления, физическим условиям страны, соотносились с бытовыми особенностями жизни народов. С совокупность отношений, в которых находятся законы ко всем этим условиям, как раз и составляет то, что называется «духом законов», вытекающим из «общего духа» нации. Монтескье подчеркивает: «У каждой нации существует общий дух, на котором основана и сама власть; когда она хочет оскорбить этот дух, она наталкивается на самое себя и неизбежно останавливается» [Цит. по: 6, с. 151]. Именно с этой точки зрения Монтескье анализирует проблемы, касающиеся организации государственной власти и создания законов: «Законодатель должен соотноситься с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением» [Цит. по: 6, с. 412]. Эти родственные понятия «народного духа», «общего духа», «духа законов» послужили предпосылкой для последующей формулировки и своего рода «научной легитимизации» понятия «национального духа» профессора Берлинского университета Ф. К. Савиньи [39, с. 182–183], ставшего родоначальником исторической школы правоведов.

Обосновывая модель государственного устройства на основе разделения властей и идеи «духа закона» [8], соответствующего характеру и традициям

народа, Монтескье утверждает необходимость широкого просвещения народа. «Если мы имеем дело с просвещенной монархией, управляющей народом не деспотически, а через систему законов, адекватных характеру народа, то и сам народ должен быть просвещенным, чтобы суметь воспринять закон» [29, с. 139].

Таким образом, Монтескье, являясь признанным отцом современного либерализма, принципы которого вошли в арсенал политической науки и либеральной практики наших дней, искренне стремился найти рационально сбалансированный государственный строй, позволяющий обеспечить достижение политической свободы вкупе с устойчивостью и долговечностью социальной системы [6]. «Большую судьбу» имел в России Монтескье» [18, с. 100] который «пользовался абсолютным авторитетом в просвещенных кругах» [5, с. 322].

Проявив себя как апологет политического и социального компромисса, просветитель предложил конкретный механизм гражданского строительства в виде установления «умеренного образа правления» и создания действующей модели «ограниченного» или «свободного государства» с учетом «духа народа» [30, с. 139]. Именно это было воспринято российскими консерваторами и идеологически обосновано в их общественно-политических концепциях, где они размышляли над судьбой России и ее государственным устройстве [30, с. 139].

Н. М. КАРАМЗИН — «УЧЕНИК МОНТЕСКЬЕ» И ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КОНСЕРВАТОР

Идеями Монтескье в России были увлечены не только императрица Екатерина II, внимательно читавшая Монтескье при составлении знаменитого «Наказа», автор конституционных проектов Н. И. Панин, но и другие просвещенные деятели, русские мыслители и литераторы [9], среди которых был и Н. М. Карамзин.

Конечно, основным предметом политических размышлений Карамзина в период 1790–1803 годов был главный факт всемирной истории XVIII века — Великая Французская революция, которая явилась поворотным пунктом в русском сознании, поставившим под сомнение основы европейской жизни и вызвавшим вопросы о смысле того, чего же достигли европейские народы в своем развитии. Пристально всматриваясь в это «явление», Карамзин пришел к выводам, позволившим ему сформулировать базовые принципы своей идеологической позиции, напрямую коррелирующей со взглядами первых европейских консерваторов — русских мыслителей.

«В лице Карамзина... мы видим яркого представителя тех кругов русского дворянства, которые от... заимствования европейского опыта перешли к напряженной рефлексии об исторических судьбах родной страны. Французская революция, несомненно, стимулировала этот процесс и ввела его в консервативное русло» [41, с. 21].

И если такое понятие, как «революция», используемое в работах Монтескье, воспринималось как обозначение «перемены» или «изменения», то к началу XIX в. «революция» стала пониматься «как ненормальное, чрезвычайное состояние общества» [43, с. 36]. По словам Н. М. Карамзина, после «ужасов по-

жара» Французской революции настало время «быть рассудительным» [Цит. по: 9, с. 205].

У Карамзина, разделявшего общественно-политические воззрения Монтескье, из отрицания французского «пожара» с его «смертоубийством, кровопролитием, грабежами и мучительством» [50, с. 206] рождается его дискурс об отечестве — доктрина «благонадежного, государственнического патриотизма» [40, с. 167].

В 1790-е годы в его творчестве проявляется явный интерес к родной истории, сопряженный с романтическим конструированием «русскости». Карамзин начал литературную борьбу за возвращение к «русским истокам», к народным началам как в русском языке, так и в русской жизни в целом. Во вступлении к повести *«Наталья, боярская дочь»* (1792) писатель, обращаясь к читателям, вопрошал: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [12, с. 55].

В 1802 г. появляется программная статья Н. М. Карамзина *«О любви к отечеству и народной гордости»*, в которой он впервые попытался дать политический и моральный «портрет» России: государственный статус отечества он видит в его истории и в «народной гордости», в моральной любви к отечеству, а потому, пишет он, «патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание ему способствовать во всех отношениях» [13, с. 21]. В целом, Карамзин говорит о том «гармоническом союзе» в «политическом организме», который «заставляет содействовать благу всего общества все части». В этих рассуждениях Карамзина очевидны отзвуки философских концепций Монтескье. Его политические воззрения «сложились под влиянием идей Монтескье», которые помогли ему увидеть узловые проблемы времени [21, с. 198].

В 1802 г. Н. М. Карамзин написал *«Историческое похвальное слово Екатерине II»*, в котором «опираясь на книгу Монтескье “О духе законов”, он изложил как бы программу царствования Александра I» [23, с. 41]. На «языке» того времени само обращение к идее закона и законоположения осмысливалось как дело «конституциональное», т. е. организующее, устроительное, о чем свидетельствовали и ориентированный на идеи Монтескье «Наказ» Екатерины, и конституционные проекты XVIII — начала XIX в.

«Похвальное слово» представляло собой своеобразный «конституционный» совет Александру I, активно занявшемуся законами и установлениями империи. Н. М. Карамзин напоминает императору и согражданам об авторитетном источнике идей Екатерины, которая «часто, облокотясь на бессмертные страницы Духа законов, развивала в уме своем идеи о народном счастье, предчувствуя, что она сама будет творцом одного для обширнейшей империи в свете», и о самом Монтескье [15, с. 87]. Карамзин напоминает о главной философской книге Монтескье и об обещании самого Александра I приложить «все силы и старания к усчастливлению России» и опираться на «коренные законы», о чем было объявлено в 1801 г. в манифесте нового императора — «Всемиловнейшей грамоте, российскому народу жалуемой» [19, с. 199].

Вслед за Монтескье Карамзин был сторонником концепции «просвещенной монархии» [50, с. 101]. Нужно заметить, что «Похвальное слово» характеризует стиль консервативного «хранительного» мышления, содержание которого в России всегда определяла национальная идея, синтезирующая патриотизм (соединяющий любовь к Родине в географическом значении с любовью к «русскому духу» — традициям, обычаям, ценностям и идеалам русского народа, сформировавшимся и освященным многовековой историей борьбы за национальное самоопределение в сильном монархическом государстве) и духовную свободу в истинном православии [49, с. 101].

В 1811 году то, что декларировалось писателем в «Историческом похвальном слове Екатерине II» было аргументировано им в *«Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»*, а затем и в «Истории государства Российского» (1816–1829). В «Записке» взгляды Н. М. Карамзина проявляются в постепенном усилении консервативных оттенков его мысли и критике им подражания как механизма культурной динамики. Карамзин упрекает российского самодержца в пренебрежении «народными особенностями» при проведении реформ, которые проявляются в способе организации общественной жизни, быта, в исторически сложившихся и укоренившихся в нравах и обычаях. Именно это признание Карамзиным значимости народных устоев и нравов для существования государства коррелирует с выводами Ш. Л. Монтескье, который, давая негативную оценку реформам Петра, отмечал, что недопустимо преобразовывать с помощью законов то, что было установлено обычаями [30].

Влияние Монтескье прослеживается уже в понимании Н. М. Карамзиным сущности и специфики политических законов, которые «должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств» [14]. Подобно Монтескье, Карамзин отрицает возможность существования неких всеобщих принципов, могущих послужить основой различных форм правления. Те принципы управления государством, которые историк излагает на страницах своей «Записки», нельзя назвать универсальными. Они применимы исключительно к России с ее гигантскими пространствами, многообразием природно-климатических зон, этнической и культурной уникальностью и исторической спецификой. Таким образом, и для трактата «О духе законов» Монтескье, и для «Записки о древней и новой России» Карамзина характерно доминирование категории особенного над всеобщим. Как отмечал Монтескье, у каждого государства есть «своя особенная, ему только свойственная цель» [30, с. 265]

Критикуя вслед за Монтескье реформы Петра, Н. М. Карамзин заключает, «мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России» [16, с. 293]. Он подчеркивал, что «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество Государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух есть не что иное, как привязанность к нашему особенному; не что иное, как уважение к своему народному достоинству» [16, с. 291]. И в этом, по утверждению Карамзина, главная ошибка «великого венценосца», ибо «государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях» [16, с. 291–292]. Подобные взгляды историка основывались на твердом убеждении, что государ-

ства и народы «могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные» [16, с. 291]. Эксперименты здесь не годятся, уверял Карамзин. Каждый народ в своем историческом бытии реализует присущий только ему тип культуры, в основе которой лежит создание национальной государственности. А история показывает, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [16, с. 284]. Таким образом, политическое кредо Карамзина не просто «консерватизм» в европейском смысле этого слова [46], но — «хранительство». Тяга к «хранительству» («чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все *развивать* из того, что есть, и *не разрушая* того, что есть» [42, с. 40]) обусловила особенности мировосприятия Карамзина, определившие весь внутренний строй его произведений.

В последнем труде «*История государства Российского*» (1818) Н. М. Карамзин окончательно сформулировал свои общественно-политические и государственные воззрения. В предисловии он пишет: «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя» [17, I, с. 7]. Карамзин напоминает об особом «пространстве» России, от которого «мысль цепенеет» [17, I, с. XI]. Общие контуры «государственных» концепций Монтескье отразились и в понимании Карамзиным значимости истории государства: «Правители, законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье. Но и простой гражданин должен читать Историю <...>: она питает нравственное чувство, и праведным своим судом располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [17, I, с. X].

Идеологическое содержание «Истории государства Российского» и записки «О древней и новой России» дает основание говорить о социально-политической концепции мыслителя как о «манифесте русского консерватизма» [32, с. 13], в котором впервые комплексно были сформулированы многие важнейшие положения отечественной консервативной идеологии. Карамзинский вариант «хранительного» консерватизма представляет собой не просто политическую доктрину, выражавшую интересы лишь узкокорпоративного придворного круга, «официальную догму», а начало консервативного направления социально-политической мысли, имевшее огромное влияние в дальнейшей истории России [27]. К сожалению, уже во второй половине XIX в. общественно-политические воззрения Карамзина были отодвинуты на периферию русской политической истории, а новые поколения мыслителей будут стремиться решить более радикально вопросы государства, закона и судьбы России. Здравый, трезвый «охранительный» консерватизм Карамзина и его философские предпочтения для них станут чуждыми. Консервативные идеи Карамзина будут отвергнуты, а последующая русская мысль больше не интересовалась ни Монтескье, ни Карамзиным. Вплоть до нашего времени.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

В XX веке о сущности консерватизма задумывались многие выдающиеся учёные, в том числе и такие как М. Оукшотт. Он утверждает: «Быть консерватором значит предпочитать привычное, знакомое — незнакомому, испробованное — неиспробованному, факт — вымыслу, действительное — возможному, близкое — далёкому, подходящее — совершенному» [52]. С. Хантингтон определяет консерватизм ситуационно — как реакцию «защиты существующих институтов от угрозы их разложения, ибо они существуют и рассматриваются в качестве “наших традиций”, а не потому, что они соответствуют некоторым отвлечённым идеалам» [51]. С этой точки зрения консерватизм не реакция вегетативного существования, рефлекторно отторгающего всё «иное», он — следствие осознания кризиса, выделения традиции, благодаря которой общество перестаёт быть чем-то действующим автоматически и бессознательно и которая вследствие этого нуждается в защите и уважении.

Современный российский (новый) консерватизм конца XX — начала XXI века так же возрождается после осознания нами всех пагубных последствий либеральных экспериментов в постсоветской России 90-х гг. В основу «нового курса» Путина в период его разработки в конце 1999 года был положен тезис о том, что ельцинская революция завершилась, наступила постреволюция, но не реакция, а эпоха стабильного прагматизма. [46].

В 2010 году вариант нового консерватизма был концептуально представлен в Манифесте просвещенного консерватизма Н. С. Михалкова [28], в котором было заявлено, что нам необходим просвещенный консерватизм, основанный на позитивном умении осмыслить прошлый и будущий мир вещей, свойств и отношений в должной и полной мере, а также способность эффективно действовать в современном мире, не разрушая его. По мнению автора манифеста, просвещенный консерватизм — это сохраненное и представленное политической, экономической, научной и культурной элитой мировоззрение многонационального российского народа в целом. «Мировоззрение просвещенного консерватизма, образует теоретическую основу российского консервативного движения и задает теоретический вектор для разработки полноценной Программы действий. Просвещенный консерватизм как идеология позволяет последовательно и эффективно проводить в жизнь динамично стабильную внутреннюю и внешнюю политику, направленную на достижение глобальных целей и решение конкретных задач политического, экономического и социального развития нашей страны. Это философия “роста и стабильности”. Философия консолидации. Философия концентрации зрелых и ответственных социальных сил и новаторских творческих энергий от периферии к центру. В движении просвещенного консерватизма четко выражена созидательная, объединительная тенденция... “Созидай, не разрушая!” — наш исторический девиз страны» [28].

Консерватизм Путина В. сконструирован и устремлен в будущее, к тем формам государственной и общественной жизни, которых никогда еще не существовало. Президент последовательно выдвигает цели «консервативной модернизации», которые достаточно четко им формулируются в обязательном

конституционном формате ежегодных Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, а также озвучиваются на различных дискуссионных площадках.

Следует отметить, что Путин В. как глава государства всегда ответственно подходит к выбору цитат для своих выступлений. Определяя значение исторических апелляций в структуре президентского нарратива через рассмотрение цитируемых исторических фигур, можно получить некоторое представление о предпочтениях президента в истории, выборе им ценностно-смысловых платформ, ассоциируемых с авторами соответствующих цитат [1].

В целом, взгляд на историю в Посланиях Путина претерпевает концептуальные изменения. Например, если в Послании 2005 г. определенно сохранялся европейский крен осмысления перспектив развития России (принятие европейских ценностей и европейской идентичности, свобода и демократия), то в интерпретации истории содержались послы, нехарактерные для дискурсивной линии Ельцина (не всякие реформы в истории России были оправданы, оборачиваясь во многих случаях контрреформами; распад СССР хотя и носил закономерный характер, являлся геополитической катастрофой). Интерпретация истории в Посланиях президента соотносится с общей идеологической репрезентацией государства, а высказывания президента по исторической тематике становятся способом раскрытия соответствующей идеологии, трансляцией тех или иных ценностно-смысловых ориентиров.

С 2012 г. — года празднования 1150-летнего юбилея российской государственности, нарастание принципиальных различий в осмыслении и интерпретации истории России в посланиях Федеральному собранию разных периодов демонстрирует начинающую смену идеологии постсоветского Российского государства. Характерной, усиливаемой с течением времени особенностью Посланий Президента РФ становится использование цитат мыслителей, представляющих национально-консервативную традицию российской общественной мысли, — М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, Д. И. Менделеева, Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, И. А. Ильина и др.

В Послании 2012 г. заявляется концепт понимания России как государства-цивилизации, что указывало на ревизию модернизационной теории истории в пользу цивилизационного подхода: наличие самостоятельного пути развития подтверждало расхождение с прежним взглядом об общеевропейских ценностях и идентичности России [1]. Владимир Путин процитировал слова Александра Солженицына: «Патриотизм — чувство органическое, естественное. И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так и не существовать стране, особенно многонациональной, где потеряна ответственность общегосударственная» [32]. А говоря о необходимости развития страны, процитировал историка и этнографа Льва Гумилёва: «Кто вырвется вперёд, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от её внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, от пассионарности, от способности к движению вперёд и к переменам» [32].

В Послании 2013 г. Путин В. В. впервые самоидентифицировал свою позицию как консервативную, используя цитату из труда «Философия неравенства.

Письма к недругам по социальной философии» религиозного и политического философа Николая Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур» [33; 2]. Эту цитату он повторит и в 2021 г., отвечая на вопросы о «здоровом» консерватизме.

С Послания 2014 г., в котором исторически обновывалось воссоединение Крыма с Россией в качестве сакрального символа российской цивилизации, начала подниматься воспроизводимая далее тема исторических врагов. Президент процитировал классика русского философского консерватизма, философа и публициста Ивана Ильина «Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего, свободы для самой России, её международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности». Ильин создавал идеологию русского государственного патриотизма, считал, что у России свой особый путь и западные демократии ей не указ [34]. К идеям Ильина Путин обращался в трех посланиях, что указывает на близость ему воззрений данного мыслителя, являвшегося сторонником сильного, опирающегося на православные ценности Российского государства [1].

В 2015 году Путин цитирует Карамзина Н. М.: «И обращаясь к лидерам партий и участникам будущего избирательного процесса, ко всем общественно-политическим силам, хотел бы процитировать выдающегося историка Николая Михайловича Карамзина. Вот что он писал: “Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, что любовь к Отечеству должна ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всём лучше. Но русский должен знать цену свою”» [35]. Возможность сегодняшней адекватной самооценки коренится в способности ценить собственное прошлое и консолидироваться. Консолидированность — основа суверенитета России, так как при раздроблении составляющие ее народы будут незамедлительно уничтожены противниками. Россия исторически консолидирована едиными ценностями и целями. В этом — великий исторический урок Карамзина.

В целом, изменение властного исторического дискурса, прослеживаемое по текстам президентских посланий Федеральному собранию и его выступлениям, подтверждает позицию об идейно-властной трансформации в России, пришедшейся на третий срок президентства В. В. Путина. Можно констатировать, что произошел переход от теории модернизации к национально-консервативному подходу в выборе методологических парадигм философии истории [1]. Инверсия взглядов на историю на высшем уровне государственной власти соотносилась с тенденцией общей ценностно-смысловой инверсии, приведшей, в частности, в 2020 г. к внесению существенных поправок в Конституцию России, где были закреплены многие консервативные постулаты, поддержанные в ходе общероссийского референдума большинством россиян.

2021 год стал годом четкого выявления российского консервативного тренда, после того как на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» (тема «Глобальная встряска — XXI: человек,

ценности, государство») Президент провозгласил консерватизм ведущей идеологической платформой внешней и внутренней политики, описав его общие параметры: «умеренный», «разумный», «здоровый» консерватизм. «Когда я говорю о здоровом консерватизме, всегда вспоминаю Николая Бердяева, которого я тоже уже неоднократно упоминал. Это наш выдающийся философ. Он, как известно, был изгнан из Советского Союза в 1922 году, но он человек, всем своим существом устремленный в будущее. Он тоже был сторонником консерватизма. При этом он говорил, может быть, я не воспроизведу точно эту цитату, но тем не менее: консерватизм — это не то, что мешает идти вверх и вперед, а то, что мешает идти назад и вниз, к хаосу. Вот если мы так будем воспринимать консерватизм, то это будет хорошим подспорьем для развития», — подчеркнул глава государства, отвечая на вопрос, каким может быть «нездоровый консерватизм» [11].

В 2013 году Путин уже обращался к этой цитате. Напомним более полно и точно фразу философа: «Он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма — в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах. Эта стихия всегда шевелится в человеке, и связана она с грехом. Консервативное начало не есть начало насилующее и не должно быть им. В нем есть здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения на убийство жизни, которая хочет быть дрящейся. Консервативное начало само по себе противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастна судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее сначала. Так несчастлива судьба нашей страны и нашего народа» [2].

Консерватизм, по Бердяеву, представляет не форму политической власти, а духовный идеал, основанный на меритократии, питающийся «творческой энергией в глубине жизни» прошлых эпох и устремленный в будущее. Этим он отличается от сиюминутности революционизма, основанного на антиисторизме, нигилизме и разрыве с духовными традициями.

Новая консервативная идеология проявляется и во внешнеполитической деятельности России, являясь адекватным ответом на то давление, которое на международный порядок оказывает Запад. В первую очередь, «консервативная внешняя политика — это наиболее сложный вид стратегии для крупного государства. Тем более, когда речь идёт о ядерной сверхдержаве, военные возможности которой всегда создают предпосылки для более решительных действий, если не на глобальном, то на региональном уровне. Такая стратегия требует от государственных деятелей экстраординарной способности к пониманию природы процессов и явлений международной жизни, а также глубокой психологической проницательности. Эти качества являются, по общему признанию, отличительными чертами современного главы российского государства, однако они с трудом передаются институционально» [3]. И здесь вспоминаются слова Монтескье: «Я пишу не с целью порицать установления

какой бы то ни было страны. Каждый народ найдет в моей книге объяснение существующих у него порядков, и она, естественно, приведет к заключению, что предлагать в них какие-нибудь изменения этих порядков имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливого дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства» [29, с. 160].

Консервативная внешняя политика предполагает способность постоянно гибко реагировать на действия других значимых держав или структурные изменения в международной политике, что и характеризует российскую внешнюю политику последних лет, которая не предполагает строгого следования некоему пути, а находит решения соответственно возникающей ситуации. «Смысл консервативной стратегии выживания в том, чтобы своими действиями постоянно поддерживать баланс сил среди всех значимых для международного мира держав» [3]. Можно сказать, что консервативная внешняя политика, связанная с ограниченностью ресурсов, когда на первое место выступает вопрос об их распределении в конкретных ситуациях, силовому давлению предпочитает опору на манипулирование. Однако необходимо понимать, что при проведении консервативной стратегии нас все чаще будут провоцировать на активные действия и здесь потребуются демонстрация силы ради недопущения радикальных изменений. «Поэтому мы не можем рассчитывать, что поводы для силового вмешательства России будут сокращаться» [3].

И наконец, консервативная стратегия требует постоянного укрепления внутренней ресурсной базы... Это означает неизбежность крайне внимательного отношения к динамике развития российского общества и выбору тех рецептов, которые будут применяться для решения возникающих при этом задач. Иначе говоря, консервативная держава должна вырабатывать в себе способность жить своим умом и действовать с минимальной зависимостью от внешнего идейного воздействия в значимых для сохранения социальной и политической стабильности областях [3].

В 2020 году в Послании Президент сказал: «Поэтому при дальнейшем государственном строительстве перед нами стоят, казалось бы, прямо противоположные задачи, служат ориентиром ценности, которые могут на первый взгляд представляться несовместимыми. Что имею в виду? Мы должны создать систему прочную, надёжную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества. Систему, обеспечивающую в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление — неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда неизбежным остается главное — интересы России» [38].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Получившие широкое распространение еще в эпоху Просвещения понятия «дух народа» или «национальный дух», «умеренный образ правления», использованные Монтескье для обозначения национальных черт характера, позволяющих отличать представителей одного народа от другого, сегодня приобрели уже некий метафизический смысл и стали обозначать не просто сумму черт народа, а исторически сложившуюся сущность его культуры. Идею народного духа на российской почве подхватил Н. М. Карамзин и развил свою концепцию на основе исторического подхода, закрепив за этим понятием общие наклонности и убеждения, в соответствии с которыми люди начинают жить и согласовывать свои поступки. Через синтез свободы и народного духа формируются традиции и обычаи конкретного народа. Народный дух — это творческая сила. Люди, не похожие друг на друга, но составляющие данный народ, реализуют себя внутри народного духа. Этот процесс должен происходить бесконфликтно в условиях порядка и безопасности. Все попытки перестроить жизнь на основе такого законодательства губительны. Работа законодателя заключается в подготовке законов, основанных на обычаях, сложившихся у народа в его истории. То есть разумность законодателя заключается в том, чтобы выработать подходящие для народа законы, которые были бы ясны и понятны народу на интуитивном уровне, а не требовали бы от него бездумного подчинения. Но без глубокого изучения народного духа такая работа невозможна [45].

На протяжении XIX–XX вв. понятие «народный дух» получало у разных авторов разные оттенки: романтические, националистические, иррационалистические, но всегда относящиеся к части духа единого человечества. То есть, это не нечто застывшее, а активно развивающаяся сущность отдельного народа, проявляющаяся через образование, науку, культуру, в том числе и народную.

Сегодня упадок неолиберального мейнстрима заставляет нас более внимательно отнестись к использованию собственных укорененных социальных практик и институтов, ценностей, лежащих в основе традиционной «национальной матрицы». Нам необходимо сформулировать новые подходы к определению общественного согласия и наладить внутреннюю жизнь на основе собственных онтологических представлений о должном, а также новые подходы к совершенствованию системы управления усложняющимся обществом на основе выработки собственной уникальной системы управления [24]. С идеологической точки зрения Россия очень эклектична и «представляет собой некий вариант уже традиционного, многократно описанного “особого пути”, сочетающего рыночное развитие, государственный капитализм и унаследованный от предыдущей страны патернализм в социальной сфере с поправкой на рынок и капитализм» [4, с. 186]. Но наш позитивный ресурс в том, что большинство граждан России склонно к органическому отбору, культивированию и интегрированию уже имеющихся схем на основе феномена «освоения прошлого» без радикальной революционности и гражданских конфликтов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник СПбГУ. История. — 2021. — Т. 66. — Вып. 2.
2. Бердяев Н. Философия неравенства // Письмо пятое о консерватизме. — URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/neraven/05.html> (дата обращения: 3.12.2021).
3. Бордачев Т. Происхождение и вызовы консервативной стратегии. Россия в глобальной политике. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proiskhozhdenie-i-vyzovy-konservativnoy-strategii/> (дата обращения 25.11.2021).
4. Васильев Ю. Постсоветский СССР: от ностальгии к «проекту «Моисей» // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19. — № 6. — С. 180–193.
5. Васильева Е. Н. Трактат «О духе законов» Монтескье как объект литературной полемики в России второй половины XVIII в. // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16, вып. 3. — С. 322–331.
6. Воронцов Е. А. Концепция политической свободы Шарля ЛУИ МОНТЕСКЬЕ // Человек. Общество. Инклюзия. — № 2(30). — 2017.
7. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Концепция разделения властей Ш. Монтескье и ее практическое измерение // Вестник РХГА. — 2019. — Т. 20, вып. 4. — С. 174–186.
8. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Две традиции теории гражданского общества: Дж. Локк и Ш.-Л.Монтескье // Вестник РХГА. — 2020. — Т. 21, вып. 4–1. — С. 69–80.
9. Гончарова О. М. «Ученик Монтескье» — Н. М. Карамзин // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16, вып. 3. — С. 322–331.
10. Ермашов Д.В., Ширинянц А. А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2006. — № 2. — С. 5–22.
11. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». — URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/66975 (дата обращения: 02.12.2021).
12. Земскова Е. Немецкий источник трактовки темы «национального характера» в творчестве Д. И. Фонвизина // Литературоведение XXI века: Тексты и контексты русской литературы. — СПб.; Мюнхен: Изд-во РХГИ, 2001. — С. 31–45.
13. Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. — Л.: Художественная литература, 1984.
14. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991. — 127с.
15. Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. — URL.: http://dugward.ru/library/Karamzin_istoricheskoe_pohvalnoe_slovo.html (дата обращения: 02.12.2021).
16. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н. М. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010.
17. Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов: в 4 кн. — М.: Книга, 1988.
18. Коган-Бернштейн Ф. А. Влияние идей Монтескье в России XVIII века // Вопросы истории. — 1995. — № 5. — С. 99–110.
19. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX веков / сост., вступ. стат., коммент. А. Н. Медушевский. — М.: РОССПЭН, 2010.

20. Коэн Дж. Гражданское общество и политическая теория. — М. Изд-во «Наука», 2003. — 730с.

21. Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. — Таллинн: «Александра», 1992. — Т. 2. — С. 194–205.

22. Лотман Ю. М. Карамзин. — СПб.: Искусство СПб, 1997. — 832 с.

23. Макогоненко Г. П. Николай Карамзин — писатель, критик, историк // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. — Л.: Художественная лит-ра, 1984. — Т. 1. — С. 5–50.

24. Мартыанов В.С., Фишман Л. Г. Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима // МЭМО. — 2021. — Т. 65. — № 1. — С. 100–113.

25. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / сост., вступ. стат., коммент. А. Н. Медушевский. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 5–72.

26. Милованов К. Ю. Философский проект «свободного государства» Монтескье и его критика современниками. Проблемы современного образования. № 5. 2016. — URL: <http://www.pmedu.ru> (дата обращения: 23.11.2021).

27. Минаков А. Ю. Родоначальник русского консерватизма // Тетради по консерватизму. — 2016. — № 4. — С. 29–40.

28. Михалков Н. С. Манифест просвещенного консерватизма. Право и Правда. — URL: <https://polit.ru/article/2010/10/26/manifest/> (дата обращения: 30.11.2021).

29. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения о духе законов / Ш.-Л. Монтескье; пер. с фр. А. Г. Горнфельда. — М.: Госполитиздат, 1955. — 274 с.

30. Монтескье Ш.-Л. О духе законов [Текст] / Ш.-Л. Монтескье. — М.: Мысль, 1999. — 672 с.

31. Пивоваров Ю. С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. — М., 1991.

32. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 01.12.2021).

33. Послание Президента Федеральному Собранию. 2013. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 01.12.2021).

34. Послание Президента Федеральному Собранию. 2014. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 01.12.2021).

35. Послание Президента Федеральному Собранию. 2015. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 01.12.2021).

36. Послание Президента Федеральному Собранию. 2016. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 01.12.2021).

37. Послание Президента Федеральному Собранию. 2018. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 01.12.2021).

38. Послание Президента Федеральному Собранию. 2020. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 01.12.2021).

39. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут, 2011. — 510 с.

40. Сандомирская И. И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. — Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.

41. Соловьев Э.Г. О некоторых особенностях формирования консервативного идейного комплекса в России: К постановке проблемы // Проблемы общественно-политической мысли в зеркале новой российской политологии [Сб. ст.]. — М.: ИМЭМО, 1994. — С. 3–47.

42. Страхов Н. Н. Спор об общем образовании // Страхов Н. Н. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010.
43. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. — Челябинск: Энциклопедия, 2011.
44. Торубарова Т. В. Рационализм как ключ к пониманию «Духа законов» в философии Ш. Л. Монтескье // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2013. — № 2 (26).
45. Чижков Н. С. Социально-философские взгляды Н. М. Карамзина // nauka.me. — 2018. — Номер 5 [Электронный ресурс]. — URL: <https://nauka.me/s24132888000173-4-1/> (дата обращения: 06.12.2021).
46. Шаблинский И. Г. «Новый консерватизм» и советская идеологическая парадигма // Политические науки. — 2017. — № 3. — С. 136–157.
47. Ширинянец А. А. «Консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской социально-политической мысли XIX века // Sensus Historiae. — Vol. XX (2015/3). — S. 27–35.
48. Ширинянец А. А. «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2015. — № 6. — С. 112–124.
49. Ширинянец А. А., Ермашов Д. В. «Хранительство» Н. М. Карамзина // Тетради по консерватизму. — 2016. — № 4. — С. 11–29.
50. Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2011.
51. Hantington S. P. Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. — 1957. — № 51.
52. Oakeshott M. On being Conservative // Rationalism in Politics and other Essays. — Indianapolis, 1991. — P. 408.